

Научная статья

УДК 81-23

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-2-138-147>

ДОБРЫЕ И ЗЛЫЕ СУЩЕСТВА В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ

**Наталья Александровна
Яковлева**

Военная академия Генерального штаба ВС РФ,
Москва, Россия,
nataliaredko@rambler.ru

Аннотация. Вопросы анализа диалектных лексических единиц и сегодня остаются весьма актуальными, так как региональная лексика является отражением мировоззрения народа, сохраняет в себе многие традиционные представления о добре и зле, о чести и бесчестии. Надо отметить, что диалектная лексическая система до сих пор таит в себе много загадок и позволяет рассматривать ряд вопросов этического характера. В предлагаемой к публикации статье на материале бумажной картотеки и электронной базы «Архангельского областного словаря», создаваемого на кафедре русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, рассматриваются экспрессивные номинации живых существ с корнями *добр-* и *зл-*. Эти слова называют человека (*добродетель, злѡха*), животных, которые зачастую персонифицируются (*добрѣяк, злѣдня*), или мифологических существ (*доброход* – 'домовой'). Автор тщательно анализирует лексические единицы, которые, с одной стороны, своими корневыми лексемами соотносятся с общенародным лексическим фондом, а с другой – входят в состав диалектных лексических единиц. В статье приводятся многочисленные диалектные лексемы, которые представляют собой системное образование. В целом его можно уложить в рамки лексико-семантического поля. Лексико-семантический анализ позволяет сделать вывод о большом деривационном потенциале общерусских слов в говорах, а также подтвердить мнение ученых о том, что отрицательные номинации заметно преобладают над положительными, поскольку зона негации в языке традиционно более развита. Подтвердить эту мысль могут и различного рода семантические связи, которые складываются внутри противопоставленных тематических полюсов, именуемых положительными и отрицательными свойствами и качествами человека. При проведении анализа автор обращается к данным лексикографических источников, что делает проводимые наблюдения более доказательными. Все толкования диалектных лексических единиц сопровождаются речениями, которые подтверждают использование слов в том или ином значении в архангельских говорах.

Ключевые слова: архангельские говоры, Архангельский областной словарь, добро, зло, экспрессивные номинации.

Для цитирования: Яковлева Н. А. Добрые и злые существа в архангельских говорах // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 2 (14). С. 138–147. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-2-138-147>.

Сведения об авторе: Н. А. Яковлева – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник, Военная академия Генерального штаба ВС РФ, 119571, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 100.

Scientific Article

UDC 81-23

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-2-138-147>

GOOD AND EVIL BEINGS IN THE ARKHANGELSK DIALECTS

Natalya A. Yakovleva

Military Academy of General Staff of the Armed
Forces of Russian Federation,
Moscow, Russia,
nataliaredko@rambler.ru

Abstract. The analysis of dialectal lexical units remains very topical today, as the regional vocabulary reflects the people's worldview and retains many traditional notions of good and evil, honour and dishonour. The dialect lexical system still harbours many mysteries and allows us to consider a number of ethical issues. This article is based on the paper card index and the electronic database of the "Arkhangelsk Regional Dictionary", created at the Department of the Russian Language of the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State, and deals with the expressive nominations of living beings with the root *dobr-* (in the meaning of 'good') and *zl-* (in the meaning of 'evil'). These words refer to humans (*dobrodétel'*, *zlyukha*), animals that are often personified (*dobryák*, *zlydnnya*), or mythological creatures (*dobrokhod* - 'house spirit'). The author carefully analyzes lexical units, which, on the one hand, with their root lexemes, correlate with the nationwide lexical fund, and, on the other hand, are part of dialect lexical units. The article presents numerous dialect lexical units, which represent a systemic formation. In general it fits within the lexical-semantic field. The lexical-semantic analysis of dialect lexemes allows us to conclude that common Russian words in dialects have a great derivational potential, as well as to confirm the opinion of scientists that negative nominations noticeably prevail over positive ones, since the negation zone in the language is traditionally more developed. The various kinds of semantic links that develop within the opposing thematic poles, which name the positive and negative human properties and qualities, confirm this idea. During the analysis, the author also refers to the lexicographic sources, which makes the observations more argumentative. All interpretations of dialect lexical units are accompanied by sayings that confirm the use of words in a particular meaning in Arkhangelsk dialects.

Keywords: Arkhangelsk dialects, Arkhangelsk Regional Dictionary, good, evil, expressive nominations.

For citation: Yakovleva, NA 2023, 'Good and Evil Beings in the Arkhangelsk Dialects', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (14), pp. 138-147, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-2-138-147> (in Russ.)

Information about the Author: *Natalya A. Yakovleva* – PhD in Philology, Junior Research fellow, Military Academy of General Staff of the Armed Forces of Russian Federation, 100 Vernadsky prospect, Moscow, 119571, Russia.

Введение

Противостояние добра и зла – вечная тема, издревле занимавшая умы ученых и философов. Согласно исследованию Т. В. Цивьян, представленному в монографии «Модель мира и ее лингвистические основы» [26], русская модель мира представляет собой систему бинарных оппозиций, раскрывающих представления человека о пространстве (*верх – низ*), времени (*свет – мрак*), материальном (*свое – чужое*) и духовном (*рождение – смерть*) мире, а также о самом человеке (*мужской – женский*) и др.

Оппозиция *добро – зло* «пронизывала все семантическое пространство ментального мира» еще во времена Средневековья и наследовалась русским языком из старославянского [4, с. 187]. До сих пор добро и зло являются членами глобальной базовой оппозиции, структурирующей духовно-нравственную сферу русской языковой картины мира. «Осмысление добра и зла во многом определяет принципы существования человека, указанные понятия формируют основу всей культуры» [14, с. 45].

Цель настоящей статьи – выявить, какие слова для номинации живых существ были образованы в архангельских говорах от общерусских прилагательных *добрый* и *злой*.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили данные бумажной картотеки и электронной базы данных «Архангельского областного словаря», его 22 опубликованных выпусков (буквы А–З) [2], а также личные полевые записи автора, сделанные в ходе экспедиций 2012–2017 гг. в Ленский (с. Козьино, д. Лена, д. Суходол), Верхнетоемский (пос. Зеленник, д. Сефтра, д. Монастырек), Пинежский (д. Шотогорка, с. Карпогоры, с. Пиринемь) и Мезенский (д. Погорелец, д. Кимжа) районы Архангельской области.

В работе использованы следующие методы изучения диалектного материала. Структурно-семантический анализ языковых данных проводится с помощью описательного метода. Лексикографический метод используется при подаче диалектного материала в форме словарных статей нежесткого характера. Лингвокультурологический метод используется при рассмотрении языка в контексте народной духовной культуры.

1. ДОБРО и номинации с корнем *добр-*

Данные этимологии свидетельствуют о том, что изначально слова с корнем *добр-* имели материальную семантику. Праславянское слово **dobrъ* восходит к индоевропейскому корню **dhabh* – ‘подходить, быть удобным’, родственно лат. *faber* – ‘ремесленник’ и арм. *darbin* – ‘кузнец’, др.-в.-нем. *taphar* – ‘крепкий, веский’ [28, т. 5, с. 45], то есть исконно означало ‘годный, подходящий’, отсюда ст.-сл. и др.-рус. (с XI в.) *добръ* – ‘доброкачественный’, ‘хороший’ [27, т. 1, с. 258].

С течением времени на передний план выходит духовная составляющая семантики *добра*. Этот семантический сдвиг объясняется влиянием христианского учения, в котором противопоставление добра и зла тесно коррелирует с такими ключевыми оппозициями, как «*рай – ад, Бог – дьявол, свет – тьма*» [16]. Стоит отметить, что в дохристианскую эпоху природные языческие божества и противопоставленные им низшие духи также наделялись амбивалентными функциями, но их деятельность связывалась с чем-то материальным – увеличением богатства или нанесением урона человеку: «о.-слав. *Бог* как первоначальное обозначение существа, наделяющего долей, богатством, при польск. *богинка* – ‘злой дух, вредящий роженице и младенцу’» [19, т. 2, с. 99].

В. В. Колесов в своей книге «Древняя Русь: наследие в слове» формулирует движение смыслов *доброто* как переход от утилитарности к абстрактному совершенству: ‘полезный’ → ‘красивый’ → ‘ладный, добротный’ → ‘истинный, правильный’ [12, с. 131–132].

Т. И. Вендина включает ДОБРО (вместе с ИСТИНОЙ и КРАСОТОЙ) в «вечную триаду ценностей русской культуры» [5, с. 143]. При этом, по меткому замечанию Н. Д. Арутюновой, «*добрый молодец* скорее красив и силен, чем добр» [1, с. 5]. Проанализировав значения имен этических концептов с XI века до наших дней, В. И. Жданова приходит к выводу, что вещная семантика *добра* уступает место чисто этической только к XX веку [9].

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» при наличии примеров о добром как преисполненном морали (*тотъ человекъ доброй, и воровства от него никакова не будетъ* и др.) преобладают контексты, где семантика *добро* не связана с нравственностью: *добрые земли* ‘лучшие по качеству’; *дорогою доброю* ‘прочной, надежной’; *съ добрыми мужи* ‘почтенными, знатными’; *добрымъ вътромъ* ‘благоприятным’; *въ высоту пяди доброй* ‘полномерной, неурезанной’ и др. [23, т. 4, с. 270–271]. Таким образом, в древнерусском языке существительное *добро* как обозначение категории морали еще до конца не сформировалось, а прилагательное *добрый* понималось преимущественно в широком смысле как ‘хороший, доброкачественный, богатый’.

В словаре В. И. Даля на первом месте стоит конкретное значение слова *добро*: «Добро – вещественно все доброе, имущество или достаток... В духовном значении – благо, что честно и полезно...» [7, т. 1, с. 443]. В толковых словарях современного русского языка семантика данного слова охватывает и абстрактное, идеальное *добро* (*желать добра, помнить добро*) и конкретное, материальное (*украденное добро, этого добра у нас хватает*) [22, т. 1, с. 409; 24 и др.]. Однако носитель литературного языка считает добро скорее категорией морали, нежели совокупностью ценных / неценных предметов (конкретные значения слова *добро* стилистически маркированы и приводятся в словарях с пометой «разг.»). По данным «Русского ассоциативного словаря» реакции на стимул «добро», имеющие отношение к представлениям о нравственности (*зло* – 14, *делать* – 10, *мама* – 4, *хорошо* – 3, *добрый человек* – 1, *дурно* – 1 и др.), заметно преобладают над реакциями, связанными с материальным *добром* (*нажитое* – 1, *хранить* – 1, *выпивка* – 1 и др.) [17].

В диалектных словарях слово *добро*¹ либо не отражено вовсе (см. [15], [20], [29] и др.), либо фиксируется с материальной семантикой: «1. Платье, одежда... *Какое я добро себе купила! Альй платок*. Ворон. // Приданое невесты. Курск.» [21, т. 8, с. 76]. При этом достаточно широкую территорию распространения обнаруживают наречия *добро*² и *до́бре* (*добре*) в общеоценочном значении ‘хорошо’, а также омонимичная частица *добро*³ (ее семантика схожа со значениями частиц *да* и *ладно* в литературном языке).

Понятие добра представлено в говорах рядом однокоренных слов с корнем *добр-*. Это имена прилагательные, существительные, глаголы, наречия, частицы, междометия. Все они являются многозначными, каждое значение, как правило, представлено рядом словообразовательных синонимов, различия между которыми могут касаться как семантического, так и прагматического компонентов лексического значения. В исследуемых говорах ДОБРО распределено между двумя семантическими зонами – вещественной (*добро* – ‘имущество’ и др.) и этической семантики. Субстантивы, служащие для номинации положительно оцениваемого субъекта, входят в зону этической семантики и называют человека или животное, которые способны проявить доброту и не склонны к проявлению зла:

добря́ га – ‘кто-л. добрый, ласковый’: *Пёс был ры́ жый, тако́ й добря́ га. Тако́ й был добря́ га. То́ т на при́ вязи не́ был.*

добря́ к – ‘кто-л., неспособный ответить на зло, беззащитный’: *Он ла́ сковый тако́ й, добря́ к (пёс). Хозя́ ин броса́ йет йего́ , во́ т он выжыва́ йет. Йево́ (кота) бью́ т коты́ у меня́ , добря́ к у меня́ .*

Добру́ хой в говорах называют порядочную, трудолюбивую женщину.

Как мы видим, в изучаемом регионе не так много номинаций *добрых* существ. Чуть большее разнообразие обнаруживается среди композитов – сложных слов с корнем *добр-*.

С позиций традиционной народной культуры наибольший интерес представляют слова *доброхо́ д / доброхо́ т* и их производные.

Общеславянские номинации важных для народного мироустройства фантастических существ – домовых – заключают в своей внутренней форме связь с добром, противопоставленным злу (*доброжил, доброхот*) [19, т. 2, с. 99].

Носители архангельских говоров именовали домового *доброхо́ дом* (вероятное прочтение внутренней формы – ‘тот, кто приходит с добром’) или *доброхо́ том* (‘тот, кто хочет человеку добра’): *Доброхо́ т во дворе́ живе́ т, в хле́ ве*. К нему уважительно обращались как к хозяину дома: *Хозя́ юшко-доброхо́ т, полюби́ скоти́ ну*. Домового старались задобрить, используя ласковые номинации: *В ка́ жном дому́ доброхо́ душка́ йесть. А как из до ма в дом перебира́ йошся – своево́ доброхо́ тушко́ прива́ диш*.

И. Б. Качинская отмечает, что по отношению к мифологическим хозяевам дома нередко использовались термины кровного родства, противопоставленные по гендерному признаку: *В ка́ жном дому́ хозя́ ин йесть, доброхо́ д-ба́ тюшко́ и доброхо́ дица-ма́ тушка*. [10, с. 31]. Эти номинации территориально ограничены и образуют два ареала в западной (Онежский р-н) и центральной (Шенкурский р-н) частях Архангельского региона.

В современных русских говорах с постепенным отходом от мифологических представлений о мире эта номинация не исчезает и используется по отношению к реальным людям. *Доброхо́ т – ‘хороший человек’: Како́ й доброхо́ т, што мешо́ к карто́ шки дал. Доброхо́ т – э́ то вот захо́ дит целове́ к, муци́ на коне́ шно, так йему́ : «Ну, доброхо́ т, проходи́ », – э́ то хоро́ шый целове́ к, кто захо́ дит в дом*.

В архангельских говорах *доброхо́ том* могут ласково назвать любое живое существо: *доброхо́ т – соба́ ка, ко́ шка, бора́ н, мужы́ к, а жэ́ ница – доброхо́ тница. Сыно́ к-от* (щенок), *доброхо́ т, пришо́ л*. В ироничном, негативном значении связь с представлениями о нравственности сохраняется – *доброхо́ дами* часто называют любовников, «незаконных гостей» хозяек дома: *Муш не му́ ш, доброхо́ т то́ жэ́ был, да бро́ сил*. Энантисемия фиксируется и в других говорах. Ср. бранное – ‘черт, дьявол’: *А кто с ним сживется, с доброхотом?! Калуж. Доброхот тебя возьми!* Орл. [21, т. 8, с. 79].

Расширенная семантика *добра́* (в значении – ‘все хорошее’) проявляется в ласковых обращениях к положительно оцениваемому человеку или животному, производных от слова *доброхо́ т*:

доброхо́ тенец – *Дружо́ к мой, доброхо́ тенец*.

доброхо́ ток (доброхо́ тко) – *Во́ т сыно́ чьки-доброхо́ тки. Доброхо́ ток, я́ , говори́ т, вам ноце́ ле́ к, так вы́ вот в любу́ ко́ мнату*.

доброхо́ тка – *О́ й ты, доброхо́ тка. О́ й ты, доброхо́ тка, со бинка, сугре́ вушка те́ плая*.

доброхо́ тушка (ласк. к *доброхо́ тка*) – *Она́ говори́ ла: и сугре́ вушка, и доброхо́ тушка, и уба́ жэнка*.

Домашнее животное (чаще кошку или собаку) также могут ласково назвать *доброхо́ тиной*.

В экспрессивных контекстах развиваются значения, противоположные первичным (*добро́* ‘что-н. ненужное’, *доброде́ тель* ‘кто-н., сделавший другому плохое’ – *Двухйета́ жной был дом. Доброде́ тель нашо́ лся, сожо́ к* (поджег).

2. ЗЛО и номинации с корнем *зл-*

А. П. Скрипник в книге «Моральное зло в истории этики и культуры» дает описание представлений о зле, сформировавшихся в философии за всю историю человечества. Ученый отмечает, что с III века, когда Плотин написал книгу I, 8 «Эннеад» под названием «О сущности и происхождении зла», философия «не знала недостатка в трактатах на эту тему» и только за XIX и XX века вышло несколько десятков работ со словом *зло* в заглавии [18, с. 3].

При этом практически не обнаруживаются лингвистические работы, посвященные исключительно *злу*. Как правило, научные изыскания в этой области строятся на тесной связи данного слова с *добротой*. См., например: [3], [6], [8], [9], [13] и мн. др. Это, на наш взгляд, еще раз доказывает¹, что добро и зло существуют в русской языковой картине мира именно как неделимая бинарная оппозиция, между полюсами которой располагаются представления носителей русского языка о морали и аморальности. «Микрополе ‘добро / зло’ можно назвать определяющим для всего семантического поля этической оценки» [9, с. 78] говорящих на русском языке.

Общерусское слово *злой* имеет индоевропейский корень **g'hul-*, обозначающий ‘изгибаться, кривиться, изворачиваться’ [27, т. 1, с. 326], то есть исконно обладает метафорической внутренней формой, которая постепенно из описания пространственного перемещения трансформируется в характеристику нравственного поведения человека: ‘изгибаться’ → ‘изворачиваться’, ‘кривиться’ → ‘кривить душой’. Представлено во всех славянских языках: укр. *злий*, чеш. *zlý*, болг. *зъл* и др. [25, т. 2, с. 99]. В. В. Колесов пишет, что «в родственных индоевропейских языках корень, который связан у нас с обозначением зла, может значить всякое: наглый, грубый, несправедливый, кривой, плохой, жестокий, лживый, просто бесчеловечный... Именно поэтому ни одно из значений не может быть изначальным, и следует предполагать, что слово *зъл* в исходном своем... смысле обозначало всю множественность отрицательного мира в случае, когда требовалось этот мир назвать» [13]. В древнерусском языке слово *зълъ* отмечается начиная с XI века [9, с. 87]. Уже тогда оно обнаруживало полисемию (см. 8 значений в [23, т. 6, с. 23–24]) при преобладании первичного значения ‘плохой, дурной’.

В толковом словаре современного русского языка исходное, идущее от этимона значение уже вытеснено вторичными ‘исполненный злости’, ‘выражающий злобу’, ‘закрывающий в себе зло’ (в [22, т. 1, с. 613] семема ‘дурной, плохой’ отмечена только у пятого по счету значения). Очевидно, что, как и у слова *добрый*, семантика прилагательного *злой* трансформировалась с принятием христианского вероучения. Негативная оценка с общеоценочным компонентом (плохое по качеству) сместилась в сторону плохого с точки зрения морали. В диалектном языке этическое понимание зла, безусловно, представлено, хоть и не фиксируется диалектными словарями, поскольку является общерусским. При этом архаичный компонент семантики позволяет диалектному прилагательному *злой* расширять свое значение до общеоценочного ‘все плохое, недолжное’.

Е. В. Колесникова рассматривает прилагательные *добрый* и *злой* в русских говорах [11], привлекая в том числе материалы выпусков «Архангельского областного словаря». Она отмечает, что «лексема *злой* в говоре обладает не столь разветвленной семантической структурой», как *до́брой* [11, с. 118]. На наш взгляд, это связано с тем, что в архангельских говорах все доброе и хорошее обозначается словом *до́брой*, тогда как семантическую зону обозначения злого, плохого покрывают три слова (*злой* – *худо́й* – *лихо́й*), а не одно.

Номинации человека, характер и поведение которого негативно оцениваются обществом, – словообразовательные синонимы, обладающие экспрессивной окрашенностью: *злец*, *злѣха*, *зло́бень*, *злуди́на*, *злыдарѣк*, *злыда́рник*, *злы́дарь*,

злы́ день, злы́ деница, злы́ дина, злы́ дница, злы́ дня, злы́дю́ ха, злю́ ка, злю́ ха, злю́ чка, зля́ ка.

Для образования данной группы номинаций используются разнообразные аффиксы, различающие родовые пары (злы́ день – злы́ дня) или создающие слова общего рода (злуди́ на, злы́дю́ ха, злю́ ха, злю́ ка и др.). Экспрессивные номинации злы́дю́ ха и злю́ ха, а также злуди́ на и злы́ дина образованы по продуктивным в говорах моделям (ср. с диал. позору́ ха, срами́ на).

Это полисеманты, значения которых определяются семантикой производящего слова злой:

- ‘недоброжелательный, желающий людям зла человек’:

злец – Он зле́ ц хоро́ шой, злой челове́ к. Вот зле́ ць како́ й!

злю́ ха – Стару́ хи до чего́ докурба́ тошуца. Они́ таки́ йе злю́ хи. Тебе́ Олю́ ха ки́ лы насади́ ла, пропа́ шшы шы́ пко, а как по жы́ лам насадя́ т – здо́ хнуть мо́ жэш: я у не́ й козлу́ х гоня́ ла, така́ злю́ ха она́. Я и звала́ фсьё́ йейо́ «злю́ ха», вре́ дная дак, зла́ я. Кака́ я злю́ ха, кака́ я зла́ я, йе́ сличево́ та́ к вот гро́ мко зарозгова́ ривали дак.

- ‘человек, испытывающий чувство гнева, досады’:

злю́ ка – Злю́ ка така́ я! Како́ й злю́ ка, глаза́ како́ йе злю́ шшы́е.

зля́ ка – О, зло́ й, зля́ ка (внуку).

/ О животном: **зло́ бень** – Ты, зло́ бень, стова́ й дава́ й, принесу́ молока́ веть тебе́! (коту).

- ‘человек, совершающий негативно оцениваемые в коллективе поступки’:

злец – Вот зле́ ць како́ й! Пришо́ л де́ нек проси́ ть.

злы́ дня (злы́ деня) – Ой, злы́ дня-то така́ я, злой целове́ к. А другу́ неве́ сту-то взя́ ли – вверх дно́ м поверну́ ла, во́ т веть кака́ злы́ деня.

/ О животном: **злы́ дня** – Пойе́ жжа́ й в Москву́, там хо́ ть машы́ ной замну́ т, злы́ дню́ таку́ (кошке).

злы́дю́ ха – Иди́ ко мне, злы́дю́ ха.

злы́дарёк, злы́да́ рник – Страмни́ к тако́ й! Злы́дарё́ к, злы́да́ рник йешио́ ска́ жут.

/ О животном: **злё́ ха** – Жыво́ т ве́ сне (висит), ско́ ро принесё́ (кошка). Така́ злё́ ха. Злё́ ха та́ шшэ. Вот щя́с подли́ зывайеца, а чуть́ маленько́ отпусти́ – и удерё́ т. Вот и злё́ ха. Она́ сама́ фсьё́ зло смека́ йе.

- ‘непослушный, склонный к озорству, шалостям человек’:

злость – Да така́ я зло́ сь! Зла́ я де́ фка-то, непослу́ шная. Ой, кака́ я зло́ сь, ой, кака́ я зло́ сь, я тебе́ щя́с, ну я тебе́ сица́ с устро́ ю. Они́ то́ жо таки́ зло́ сти.

злуди́ на – Ты́, злуди́ на, и э́ то пи́ шэш?

злю́ ка – Вот злю́ ки-те де́ тоцьки.

злю́ чка – Злю́ чька кака́, я говорю́, бессо́ весной ты. Тебе́ злю́ чька, а мне́ фсьё́ хоро́ шо де́ лала.

/ О животном: **злю́ чка** – Ра́ душко-то, краса́ вец (о собаке), с Солофко́ ф привезё́ н. А то́ т злю́ чка ру́ ку прокуси́ л.

злы́ дарь – Телёш у меня́ тако́ й злы́ дарь, дак мале́ нькой йешо́, а вы́ растёт – го́ ря мне бу́ дет.

Зло в архангельских говорах обозначает не только ‘нечто плохое’ или ‘негативное чувство’, но и ‘несчастье’. Эта семантика исконно связана с нечистой силой и сглазом, порчей (злой глаз, злые люди – ‘колдуны’ и т. д.). Несчастливого человека здесь называют:

злы́ день – Са́ мый злы́ дный́ целове́ к без до́ цери-то. Злы́ дный́ дак нешча́ стный, э́ то пе́ рвый злы́ день.

злы́ дина – Была́ боль така́, а я родила́сь, и я злы́ дина, в таку́ бо́ль родила́сь. Злы́ дина у отца́ сряжа́ йеца (одевается), ща́ слива – у му́ жа.

злы́ деница – Семь зи м вы́ йездила, лес руби́ ла, не могу́ до мой зайти́, вот злы́ деница кака́ я.

злы́ дница – В колхо́ зе прожыла́, лет два́ цать в колхо́ зе прорабо́ тала <...> пядеся́ т рубле́ й у меня́ пе́ ньсия-та. На пяти́ десяти́ рубле́ й жыла́, вот кака́ злы́ дница, виш, как пе́ ньсию начали́ огреба́ ть.

Заключение

ДОБРО на исследуемой территории более многомерно и развивает свою семантику в двух направлениях – вещественном (архаичном, идущем от этимона) и морально-этическом. Для прилагательного *до брой* характерна общая оценка ('хороший'). *Злой* же предстает в виде набора частнооценочных значений ('враждебный', 'упрямый', 'упорный' и др.). При этом мы видим, что номинации положительно оцениваемых существ менее разнообразны, чем номинации существ, оцениваемых отрицательно. Это соответствует представлениям научного сообщества о том, что понятие зла «покрывает значительно большую часть семантического пространства», чем понятие добра, что, по меткому замечанию Т. И. Вендиной, «говорит об известном пессимизме языка традиционной культуры» русского народа [6, с. 368].

Примечания

1. По данным «Русского ассоциативного словаря» [17], среди реакций на стимул зло первое место занимает слово добро (12 из 67 уникальных ответов).

Список источников и литературы

1. Арутюнова Н. Д. ИСТИНА, ДОБРО, КРАСОТА: Взаимодействие концептов // Логический анализ языка: Языки эстетики / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2004. С. 5–29.
2. Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецово́й, Е. А. Нефедовой. Вып. 1: А – Бережок. М.: Изд-во МГУ, 1980. 168 с.
3. Богданова Е. А. Концепты «добро» и «зло» в русской и французской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Богданова Елена Александровна. Майкоп, 2012. 162 с.
4. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 334 с.
5. Вендина Т. И. Прекрасное и безобразное в русской традиционной духовной культуре // Логический анализ языка: Языки эстетики / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2004. С. 143–161.
6. Вендина Т. И. Антропология диалектного слова / Ин-т славяноведения РАН. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 684 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Рус. язык, 1981–1982.
8. Егорова О. А. Нравственно-оценочные категории «добро» и «зло» в лингвокогнитивном аспекте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Егорова Ольга Аркадьевна. Ульяновск, 2005. 177 с.
9. Жданова В. И. Семантическое поле этической оценки в его историческом развитии (на материале русского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Жданова Виктория Игоревна. Уфа, 2004. 389 с.
10. Качинская И. Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров). М.: Индрик, 2018. 285 с.
11. Колесникова Е. В. Семантика прилагательных *добрый* и *злой* в русских говорах // Актуальные проблемы русской диалектологии : сб. материалов конф. М.: Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова РАН, 2012. С. 117–119.

12. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Добро и зло. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 365 с.
13. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2004. 237 с.
14. Красовская Н. А. Человек, мир, слово в книге Т. И. Вендиной «Антропология диалектного слова» // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 4. С. 41–51.
15. Новгородский областной словарь / подгот.: А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010. 1435 с.
16. Палеха Е. С. Концептосфера лексико-семантического поля добра в русском языке // Вестник Чувашияского университета. 2007. № 3. С. 193–199.
17. Русский ассоциативный словарь // Информационная система когнитивных экспериментов : [сайт] / А. В. Сиренко. [М.], 2009–2012. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 01.03.2023).
18. Скрипник А. П. Моральное зло в истории этики и культуры. М.: Политиздат, 1992. 349 с.
19. Славянские древности : этнолингвистический словарь. В 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995–2012.
20. Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вып. 1–12. Вологда: ВГПИ, 1983–2007.
21. Словарь русских народных говоров / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз., словарный сектор. Вып. 1 – . Л.-СПб.: Наука, 1965 – .
22. Словарь русского языка. В 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. М.: Рус. язык, 1985–1988.
23. Словарь русского языка XI – XVII вв. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. Вып. 1 – . М.: Наука, 1977 – .
24. Толковый словарь Ожегова онлайн : сайт. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 01.03.2023).
25. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М.: АСТ, Астрель, 2009.
26. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: КомКнига, 2006. 280 с.
27. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. В 2 т. М.: Рус. язык, 1999.
28. Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. Вып. 1 – . М.: Наука, 1974 – .
29. Ярославский областной словарь / отв. ред. Г. Г. Мельниченко. Вып. 1–8. Ярославль: ЯПИ, 1981–1989.

References

1. Arutyunova, ND 2004, 'ISTINA, DOBRO, KRASOTA: Vzaimodeystviye kontseptov' (TRUTH, GOOD, BEAUTY: Interaction of concepts), *Logicheskiiy analiz yazyka: Yazyki estetiki* (Logical analysis of language: Languages of aesthetics), Indrik publ, Moscow, pp. 5–29. (In Russ.)
2. Getsova, OG & Nefedova, EA (ed.) 1980, *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'* (Arkhangelsk Regional Dictionary), vol. 1, Izd-vo MGU publ, Moscow. (In Russ.)
3. Bogdanova, EA 2012, Kontsepty «dobro» i «zlo» v russkoy i frantsuzskoy lingvokul'turakh (The concepts of "good" and "evil" in Russian and French linguistic cultures), PhD thesis, Maykop. (In Russ.)
4. Vendina, TI 2002, *Srednevekovyyi chelovek v zerkale staroslavianskogo yazyka* (Medieval man in the mirror of the Old Slavonic language), Indrik publ, Moscow. (In Russ.)
5. Vendina, TI 2004, 'Prekrasnoye i bezobraznoye v russkoy traditsionnoy dukhovnoy kul'ture' (The beautiful and the ugly in Russian traditional spiritual culture), *Logicheskiiy analiz yazyka: Yazyki estetiki* (Logical analysis of language: Languages of aesthetics), Indrik publ, Moscow, pp. 143–161. (In Russ.)
6. Vendina, TI 2020, *Antropologiya dialektного slova* (Anthropology of the dialect word), In-t slavyanovedeniya RAN publ, Moscow, Nestor-Istoriya publ, St. Petersburg. (In Russ.)
7. Dal, VI 1981–1982, *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* (Explanatory dictionary of the living Great Russian language), Rus. yazyk publ, Moscow. (In Russ.)
8. Egorova, OA 2005, *Nravstvenno-otsenochnyye kategorii «dobro» i «zlo» v lingvokognitivnom aspekte* (Moral and evaluative categories of "good" and "evil" in the linguo-cognitive aspect), PhD thesis, Ulyanovsk. (In Russ.)

9. Zhdanova, VI 2004, *Semanticheskoye pole eticheskoy otsenki v yego istoricheskom razvitii* (na materiale russkogo yazyka) (Semantic field of ethical evaluation in its historical development (based on the Russian language)), PhD thesis, Ufa. (In Russ.)
10. Kachinskaya, IB 2018, *Terminy rodstva i yazykovaya kartina mira* (po materialam arkhangel'skikh govorov) (Terms of kinship and linguistic worldview (based on the materials of the Arkhangelsk dialects), Indrik publ, Moscow. (In Russ.)
11. Kolesnikova, EV 2012, 'Semantika prilagatel'nykh dobryy i zloy v russkikh govorakh' (Semantics of adjectives kind and evil in Russian dialects. Actual problems of Russian dialectology), *Aktual'nyye problemy russkoy dialektologii*, In-t rus. yazyka im. V. V. Vinogradova RAN publ, Moscow, pp. 117–119. (In Russ.)
12. Kolesov, VV 2001, *Drevnyaya Rus': naslediyе v slove. Dobro i zlo* (Ancient Rus': heritage in the word. Good and evil), Izd-vo S.-Peterb. un-ta publ, St. Petersburg. (In Russ.)
13. Kolesov, VV 2004, *Yazyk i mental'nost'* (Language and mentality), SPb.: Peterb. Vostokovedeniye publ, St. Petersburg. (In Russ.)
14. Krasovskaya, NA 2021, 'Chelovek, mir, slovo v knige T. I. Vendinoy «Antropologiya dialektного slova»' (Man, world, word in the book by T.I. Vendina "Anthropology of the dialect word"), *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, vol. 13, no. 4, pp. 41–51. (In Russ.)
15. Levichkin, AN & Myznikov, SA 2010, *Novgorodskiy oblastnoy slovar'* Novgorod (Regional Dictionary), Nauka publ, St. Petersburg. (In Russ.)
16. Palekha, ES 2007, 'Kontseptosfera leksiko-semanticheskogo polya dobra v russkom yazyke' (Conceptosphere of the lexical-semantic field of goodness in the Russian language), *Bulletin of the Chuvash University*, no. 3, p. 193–199. (In Russ.)
17. Sirenko, AV 2009–2012, 'Russkiy assotsiativnyy slovar'' (Russian associative dictionary), *Informatsionnaya sistema kognitivnykh eksperimentov*, viewed 1 March 2023, <http://tesaurus.ru/dict> (In Russ.)
18. Skripnik, AP 1992, *Moral'noye zlo v istorii etiki i kul'tury* (Moral evil in the history of ethics and culture), Politizdat publ, Moscow. (In Russ.)
19. Tolstoy, NI (ed.) 1995–2012, *Slavyanskiye drevnosti : etnolingvisticheskiy slovar'* (Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary), Mezhdunar. otnosheniya publ, Moscow. (In Russ.)
20. Panikarovskaya, TG & Zorina, LYu (ed.) 1983–2007, *Slovar' vologodskikh govorov* (Dictionary of Vologda dialects), vol. 1–12, VGPI publ, Vologda. (In Russ.)
21. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* (Dictionary of Russian folk dialects) 1965, *Akad. nauk SSSR, In-t rus. yaz., slovarnyy sektor*, vol.1, Nauka publ, Leningrad, St. Petersburg. (In Russ.)
22. *Slovar' russkogo yazyka* (Dictionary of the Russian language) 1985 – 1988, Rus. yazyk publ, Moscow. (In Russ.)
23. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* (Dictionary of the Russian language of the 11th –17th centuries) 1977, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
24. Ozhegov, SI & Shvedova, NYu (ed.) 1996, *Tolkovyy slovar' Ozhegova onlayn* (Ozhegov's explanatory dictionary online), viewed 3 March 2023, <https://slovarozhegova.ru/> (In Russ.)
25. Fasmer, M 2009, *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* (Etymological dictionary of the Russian language), AST publ, Astrel publ, Moscow. (In Russ.)
26. Tsivyan, TV 2006, *Model' mira i yeye lingvisticheskiye osnovy* (Model of the world and its linguistic foundations), KomKniga publ, Moscow. (In Russ.)
27. Chernykh, PYa 1999. *Istoriko-etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* (Historical and etymological dictionary of the Russian language), Rus. yazyk publ, Moscow. (In Russ.)
28. *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond.* (Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund) 1974, vol.1, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
29. Melnichenko GG (ed.) 1981–1989, *Yaroslavskiy oblastnoy slovar* (Yaroslavl Regional Dictionary), vol. 1–8, YaPI publ, Yaroslavl. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 14.06.2023
 Одобрена после рецензирования: 18.07.2023
 Принята к публикации: 25.07.2023

The article was submitted: 14.06.2023
 Approved after reviewing: 18.07.2023
 Accepted for publication: 25.07.2023